

БлагоДарение

Агентство астральных путешествий

Горящие туры по вашим галлюцинациям
с возвратом в реальность

ГОРЯЩИЕ ТУРЫ

- ✈ ВАШИ СТРАХИ
- ✈ НЕСЫВШИЕСЯ МЕЧТЫ
- ✈ ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ Я
- ✈ ПРОШЛЫЕ ЖИЗНИ
- ✈ БУДУЩИЕ ВЕРСИИ
- ✈ РАЙСКИЕ ИЛЛЮЗИИ
- ✈ КАРМИЧЕСКИЕ ОТЕЛИ
- ✈ ЭГО-ТУРЫ
- ✈ ОБРАТНО В РЕАЛЬНОСТЬ

РАЙ
УЖЕ
ВКЛЮЧЕН

РОМАН ЕГОРОВ

Роман Егоров

Агентство астральных путешествий

<https://litres.ru/74642093>

SelfPub; 2026

Аннотация

Добро пожаловать в единственное в мире «Агентство астральных путешествий», которое занимается анти-туризмом. Здесь не чистят чакры по абонементу, не продают обереги и не водят хороводы с вознесёнными учителями. Здесь устраивают полный и безвозвратный снос ваших иллюзий по стопроцентной предоплате. Вместе с ироничным проводником вы шагнёте сквозь пол загородных резиденций, правительственных лимузинов и горных ретритов прямо за кулисы тонкого плана. Вы увидите, кто на самом деле прячется в мрачных бункерах ваших страхов и сияющих хрустальных дворцах духовной гордыни, как работает бухгалтерия кармического суда и каким корпорациям вы ежедневно сдаёте в аренду свою единственную жизнь. Острая сатира на современность переплетается здесь с завораживающей мистикой и пронзительной нежностью. Когда в точке чистого БлагоДАРения Тьма и Свет соединятся, расколотое зеркало ума рухнет — и вы с улыбкой обнаружите, что главный клиент этого агентства сейчас держит эту книгу в руках.

Содержание

Пролог. Офис без вывески и правила анти-туризма	4
Глава 1. Бункер для императора и голодная тень	15
Глава 2. Зоопарк на коротком поводке	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Агентство астральных путешествий

*Горящие туры по вашим галлюцинациям с
возвратом в реальность*

Пролог. Офис без вывески и правила анти-туризма

На моей двери нет таблички. Более того, у меня вообще нет постоянной двери в том смысле, в каком её понимают налоговая инспекция и курьеры доставки пиццы.

Сегодня мой кабинет располагается на четвёртом этаже старого доходного дома в тихом переулке, где пахнет мокрой листвой, дореволюционным паркетом и свежемолотым кардамоном. Завтра он может оказаться в стеклянном переговорном кубе на восемьдесят седьмом этаже деловой башни или в полузаброшенной беседке с облупившейся краской где-нибудь на высоком берегу зимней реки. В этом нет никакой дешёвой мистики — просто пространство подстраивается под того, кто готов наконец-то проснуться.

Если бы я повесил на входе неоновую вывеску «Потомственный проводник по тонким мирам, снятие венца безбрачия, чистка кармы до скрипа и оптовая продажа высокоча-

стотных лучей», ко мне бы круглосуточно ломилась очередь из скучающих домохозяек, тревожных криптоинвесторов и барышень в поиске своего близнецового пламени. Но у меня нет ни хрустального шара, ни черепа ворона на столе, ни даже завалящего бубна из кожи алтайского марала. В углу стоит обычная кофемашина, на подоконнике спит ленивый рыжий кот, который видит эфирные тела сквозь сон, но презирает их так же глубоко, как дешёвый сухой корм, а на столе лежит папка с договорами, от которых у любого нормально-го эзотерика случился бы нервный тик.

Я — владелец единственного в мире Агентства астральных путешествий, которое официально занимается анти-туризмом. Я сапожник, который сознательно, методично и с огромным удовольствием разоряет собственный бизнес.

Видите ли, вся современная индустрия духовных и паранормальных услуг построена по принципу фитнес-клуба или стоматологической клиники: клиент должен ходить туда вечно. Сегодня мы чистим вам третью чакру от родового проклятия прабабушки-купчихи, в следующем месяце летим в прошлую жизнь развязывать кармический узел с бывшим бухгалтером из Древнего Египта, а через полгода за отдельную плату подключаем вас к золотому потоку изобилия созвездия Плеяд. Человека годами водят по бесконечным коридорам его собственных галлюцинаций, продавая ему входные билеты на просмотр его же подавленных страхов и раздутых фантазий.

У меня в агентстве правило железное: один клиент — одна поездка. Никаких абонементов, карт лояльности и повторных сеансов. Если после нашей экскурсии на тонкие планы человек возвращается ко мне через неделю и просит «ещё разок слетать посмотреть, что там нового в пятом измерении», это значит, что я схалтурил и должен вернуть ему гонорар. К счастью, за последние десять лет возвращать деньги не пришлось ни разу.

Обычно после возвращения из моего тура люди первым делом выбрасывают в мусоропровод все свои защитные амулеты, красные нитки и пирамидки из шунгита. Затем они звонят личным астрологам, тарологам и потомственным шаманам с ласковой просьбой больше никогда их не беспокоить. А потом идут на кухню, жарят себе самую обычную глазунью с помидорами, откусывают кусок хлеба и вдруг начинают плакать от того, насколько этот хлеб настоящий, тёплый и безупречный.

Прайс-лист у меня, признаюсь честно, совершенно бессовестный. Я беру стопроцентную предоплату, и сумма в договоре такая, что даже владельцы металлургических комбинатов и теневые короли госзакупок на секунду замирают с золотым пером в руке.

— Послушайте, — говорят они мне, подозрительно шурясь сквозь дым дорогих сигар, — но ведь духовное знание должно принадлежать миру бесплатно! Разве истинный мастер не должен помогать страждущим просто из сострадания

к человечеству?

В этот момент я обычно делаю глоток эспрессо, смотрю на их часы стоимостью в бюджет небольшого провинциального уезда и радостно соглашаюсь.

— Истинный мастер — безусловно! — говорю я. — Но я ведь не духовный учитель и не святой бессребреник. Я кризисный управляющий вашей поехавшей кукухи и старший ассенизатор ваших внутренних миров. Вы же не предлагаете хирургу вырезать вам аппендицит за искреннее «спасибо» и плюсик в карму? Вы платите мне не за божественную благодать — она и так разлита в воздухе совершенно бесплатно, просто вы разучились ею дышать. Вы платите мне за демонтаж. За то, что я сейчас возьму вас за шиворот вашего безупречного кашемирового пиджака, протащу сквозь бетонную плиту вашего эго и заставлю посмотреть в глаза тому балагану, который вы городили внутри себя сорок пять лет. Ум человека устроен просто: то, что досталось ему даром, он объявляет ерундой при первом же неудобном вопросе. А вот когда вы отдали за билет цену хорошего бронированного внедорожника, ваша внутренняя жаба лично проследит, чтобы вы не закрывали глаза на самом страшном месте и досмотрели это кино до финальных титров.

Заметь, как твой собственный ум сейчас слегка улыбнулся, читая про чужую жадность и чужие иллюзии. Почувствуй опору под ногами и то, как прохладный воздух входит в ноздри прямо в эту секунду. Тот, кто на-

блудает за этой мыслью, никогда не покупал билетов в чужие миры — он уже сидит в первом ряду единственной реальности.

Чтобы вы понимали, с чем именно нам предстоит иметь дело на страницах этой книги, давайте сразу договоримся о терминах. Без туманной эзотерической патоки и закатывания глаз к потолку.

Что такое астрал? Если вы прочитаете пару сотен оккультных трактатов — от древних папирусов до современных форумов для начинающих ведьм из спальных районов, — вам расскажут про таинственные измерения, населённые суверенными легионами демонов, кровожадными лярвами, светлыми ангелами, архонтами и космическими иерархиями. Люди ходят туда во сне, в медитациях, под звуки тибетских чаш или в приступах белой горячки, а потом с придыханием пересказывают друг другу географию потустороннего мира.

Но правда куда смешнее, грандиознее и одновременно обиднее для человеческого тщеславия.

Тонкий план — это не чужая территория. Это гигантское, многомерное, фантастически пластичное расколотое зеркало вашего собственного сознания. Представьте себе кинотеатр с абсолютным эффектом присутствия, где проектор вмонтирован прямо вам в лоб, но вы об этом напрочь забыли. Вы сидите в кресле, жуёте воздушную кукурузу своих тревог, смотрите на экран, где бушуют чудовища или поют

хрустальные херувимы, и искренне верите, что всё это происходит само по себе.

В этом зеркальном лабиринте у каждого приличного невротика есть два любимых этажа: подвал и чердак.

Подвал — это то, что мистики с мрачным видом называют нижним астралом. На самом деле это просто склад ваших невыплаканных слёз, проглоченных обид, тайного стыда, животного ужаса и той ярости, которую вы не решились высказать начальнику или бывшей супруге, потому что «воспитанные люди так себя не ведут». На тонком плане ни одна эмоция не исчезает в никуда. Всё, что вы осудили в себе, называли грязным, греховным или постыдным и заперли за железной дверью подсознания, в астрале обретает плоть, клыки, чешую и собственный голос.

Человек проваливается на нижний план, видит перед собой трёхметрового рогатого монстра из чёрной слизи и начинает истошно молиться или махать осиновым колом. А я стою рядом с блокнотом, зеваю и говорю: «Убери палку, дорогой, не позорься. Это не древний князь тьмы. Это твой собственный страх остаться без денег в старости, который ты подкармливал каждый вечер перед сном последние двенадцать лет. Посмотри на его уши — вылитый ты в период налоговой проверки».

Но если с подвалом всё более-менее понятно — от кошмаров хотя бы хочется убежать, — то чердак, он же верхний светлый астрал, представляет собой ловушку куда более

изошрённую и коварную.

Туда попадают утончённые натуры, профессиональные искатели просветления, вегетарианцы духа и любители высоких вибраций. И там действительно захватывает дух! Неземные парящие сады из живого жидкого золота, хрустальные соборы, звенящие симфонии сфер и величественные, ослепительные Владыки Света с глазами бездонной мудрости. Попадая туда, человек падает на колени, рыдает от благоговейного восторга и чувствует себя крошечной пылинкой у сандалий Великих Учителей.

И никому из этих восторженных паломников не приходит в голову простая мысль: в зеркале никогда не отражается чужое лицо.

Всё это невыносимое сияние, вся эта космическая мощь, безусловная любовь, гениальность и божественная красота верхнего астрала — это их собственная сила! Та самая часть их собственной природы, которую они посчитали слишком великой, слишком ослепительной и недоступной для обычного человека из плоти и крови. Они испугались собственно-го масштаба, выселили свою божественность на небо, слепили из неё золотых идиолов и теперь ползают перед собственным отражением на брюхе, выпрашивая у самих себя капельку благодати. Воистину, человеческий ум — гений извращённой режиссуры.

А между этим мрачным подвалом осуждения и сияющим чердаком самоотречения раскинулся шумный, пёстрый, гу-

дящий мегаполис эгрегоров. О, это моё любимое место для сатирических прогулок! Космические корпорации, финансовые маятники, государственные левиафаны, гламурные биржи тщеславия и духовные супермаркеты. Там не пугают рогами и не слепят нимбами — там ведут строгий бухгалтерский учёт. Миллионы людей добровольно сдают туда в аренду своё единственное сокровище — живое внимание настоящего момента, — получая взамен картонные бейджики «Успешный человек», «Патриот», «Жертва обстоятельств» или «Просветлённый мастер восьмидесятого уровня».

Ко мне приходят тогда, когда эта внутренняя архитектура начинает трещать по швам. Когда человек скупил половину побережья, построил подземный бункер с запасом гречки на три ядерные зимы, но задыхается от панической атаки в собственной спальне. Когда блистательная дива, которой завидуют миллионы подписчиков, не может уснуть без горсти таблеток, потому что в темноте на неё из углов смотрят голодные тени её собственного одиночества. Когда блестящий интеллектual или министр вдруг обнаруживает, что за его спиной кто-то невидимый доит его жизнь через прозрачные трубки, оставляя вместо радости лишь серый пепел усталости.

Они приходят ко мне за защитой, за оружием или за волшебной таблеткой. Они хотят, чтобы я починил им декорации: прогнал страшных монстров из подвала и прописал их на ПМЖ в хрустальном дворце на чердаке.

Но в пункте третьем моего договора мелким, но очень чётким шрифтом написано: «Агентство не занимается ремонтом галлюцинаций. Агентство производит их полный и безвозвратный снос».

С астралом невозможно выиграть войну, потому что любая борьба с тенью лишь делает тень плотнее. И в астрале невозможно спрятаться в вечном свете, потому что любой свет без признания своей тьмы — это просто стерильная реанимационная палата. Единственный способ освободиться от власти тонких планов — это свести обе половинки расколотого зеркала в одну точку. Увидеть, что чудовище в бездне и ангел на вершине сделаны из одного и того же материала — из твоего собственного непризнанного величия.

И когда это случается — когда человек прямо посреди своего самого страшного кошмара или самого сладкого экстаза вдруг перестаёт делить себя на правильное и неправильное, когда он сдаётся и произносит из самой глубины груди простое, тихое, тотальное «Благодарю» всему, что есть, — происходит чудо, ради которого я и держу эту странную контору.

Цепь замыкается. Плюс встречается с минусом. Зеркало трескается от края до края и осыпается в ничто, как декорация дешёвого театра после спектакля. Вся колоссальная энергия, которая годами уходила на кормёжку фантомов, страхов и эгрегоров, лавиной возвращается обратно в тело — сюда, в эту самую секунду. И оказывается, что за преде-

лами всех миров нет ни плохого, ни хорошего. Есть только Единый Абсолют, который с детским восторгом и бесконечным интересом познаёт Себя через твою боль, твой смех, твои ошибки и твоё пробуждение.

Сделай глубокий, медленный вдох и почувствуй, как приподнимается твоя грудная клетка. Где сейчас все твои прошлые драмы и будущие страхи, пока ты просто читаешь эту строчку? В настоящем моменте нет ни подвалов, ни чердаков — здесь всё уже дома, всё уже целое и всё уже так.

За окном моего сегодняшнего офиса начинает капать мелкий осенний дождь. Рыжий кот на подоконнике открывает один жёлтый глаз и лениво поворачивает ухо в сторону лестничной площадки.

Внизу, у подъезда, только что бесшумно остановился тяжёлый бронированный седан с наглухо тонированными стёклами. Двое плечистых ребят в одинаковых пальто со скрытыми наушниками под воротниками остались караулить улицу, озираясь по сторонам так, словно в этом сонном переулке на их шефа может напасть диверсионная группа. А по старой деревянной лестнице, тяжело опираясь на трость и шумно хватая ртом воздух, поднимается мой первый сегодняшний клиент.

Человек, который владеет заводами, недрами, частными самолётами и судьбами десятков тысяч людей, но каждую ночь просыпается в ледяном поту оттого, что из-под его мра-

морного пола на него смотрит голодная тьма.

Я выключаю кофемашину, поправляю манжеты рубашки и иду открывать дверь.

Пристегните ремни. Хотя нет, забудьте про ремни — там, куда мы сейчас провалимся, кресел всё равно не предусмотрено. Экскурсия начинается.

Глава 1. Бункер для императора и голодная тень

Аркадий Борисович вошёл в мой кабинет так, словно собирался национализировать его вместе со старым паркетом, моим рыжим котом и осенним дождём за окном.

Это был человек-глыба, человек-монолит, чья фамилия в деловых сводках произносилась полущёпотом и исключительно с придыханием. Из-под расстёгнутого кашемирового пальто цвета мокрого асфальта выглядывал костюм такой запредельной стоимости, что нитки для него, вероятно, пряли девственные альпийские гусеницы под музыку симфонического оркестра. Однако лицо хозяина заводов, рудников и частных флотилий имело нездоровый оттенок вчерашней овсянки. Под глазами залегли тяжёлые свинцовые мешки, а левое веко едва заметно, но предательски подёргивалось.

Он тяжело опустился в кожаное кресло, поставив между коленями массивную трость с набалдашником из чёрного нефрита, и окинул меня взглядом ревизора, обнаружившего недостачу в особо крупных размерах.

— У вас тесно, — вместо приветствия произнёс он глухим, привыкшим к безоговорочному подчинению басом, и тут же шумно, со свистом втянул воздух сквозь стиснутые зубы, словно в комнате внезапно выкачали половину кисло-

рода. — И пахнет чем-то легкомысленным. Вы вообще понимаете, кто я и чего мне стоило выкроить два часа в графике?

— Разумеется, Аркадий Борисович, — мягко улыбнулся я, пододвигая к нему лист договора. — Вы человек, который три года назад выкупил целый заповедный хребет, выгрыз в скальной породе автономный бункер на глубине ста двадцати метров, провёл туда три независимых контура очистки воздуха и запаса провизией на сорок лет автономной осады. А ещё вы человек, который последние полгода спит сидя при включённом свете, потому что ровно в три часа пятнадцать минут ночи из вашего итальянского мраморного пола поднимается чёрная ледяная жижа, садится вам на грудь и перекрывает трахею. Подписывайте вот здесь, внизу, где галочка.

Аркадий Борисович замер. Его тяжёлая челюсть дрогнула, а пальцы на нефритовом набалдашнике побелели.

— Откуда вы знаете про три пятнадцать и мраморный пол? — тихо, с опасным металлическим лязгом спросил он. — Моя служба безопасности проверила вас до седьмого колена. Начальник охраны клялся, что утечек из спальни быть не могло. Там стоят глушилки военного образца и датчики движения на каждую пылинку!

— Ваши датчики, дорогой Аркадий Борисович, настроены на внешних диверсантов, а ваш ночной гость не пользуется дверьми, — я откинулся на спинку стула и скрестил руки

на груди. — Он прописан внутри вашей собственной головы. Вы ведь уже всех перепробовали, верно? Светила столичной медицины нашли у вас сердце космонавта и развели руками. Швейцарские психоаналитики за полмиллиона в месяц вежливо слушали про ваше трудное детство, но жижя продолжала приходить. А в прошлом месяце вы даже выписали чартерным рейсом потомственного сибирского кудесника. Кудесник три дня бил в бубен у вашего бассейна, сжёг два килограмма редких трав, заработал мигрень, но как только улетел — нечто из-под пола явилось в двойном размере и чуть не сломало вам рёбра.

Миллиардер медленно вытер платком внезапно выступивший на лбу холодный пот. Вся его грозная государственная спесь вдруг дала трещину, и сквозь неё на секунду выглянул смертельно уставший, загнанный в угол старик.

— Они сказали, это проклятие конкурентов, — глухо произнёс он, глядя в стол. — Навели порчу через подклад. Я уже приказал уволить всю прислугу и сменить охрану периметра. Послушайте... Мне плевать, кто вы — гипнотизёр, колдун или шарлатан с связями в спецслужбах. Деньги ушли на ваш счёт двадцать минут назад. Дайте мне защиту. Поставьте купол, зеркальный щит, запечатайте этот проклятый пол свинцом — делайте что хотите, только уберите эту тварь из моей спальни! Я задыхаюсь!

— Боюсь, вы не дочитали пункт третий договора, — с искренним сочувствием вздохнул я. — Я не ставлю щитов и не

торгую магической арматурой. Более того, прямо сейчас мы с вами пойдём и лично откроем этой твари все двери.

— Вы в своём уме?! — Аркадий Борисович попытался привстать, опираясь на трость, но воздух снова застрял у него в горле с хриплым свистом. — Я вам заплатил не за то, чтобы вы...

— Вы заплатили мне за то, чтобы перестать бояться, — перебил я его, вставая и подходя к его креслу. — А перестать бояться собственной тени можно только одним способом: повернуться к ней лицом и включить свет. Кстати, трость оставьте здесь. Там, куда мы сейчас упадём, опираться на нефрит совершенно бессмысленно.

Я положил два пальца ему на точку между бровями, прямо над переносицей, где кожа натянулась от многолетнего, ставшего почти каменным напряжения, и тихо скомандовал:

— Выдыхайте, император. Лифт идёт в подвал.

Пол моего кабинета не просто исчез — он беззвучно расступился, как чёрная вода, в которую бросили тяжёлый булыжник.

Падение длилось не больше вдоха, но за эту секунду с нас обоих слетела вся уютная геометрия физического мира. Запах кардамона и мокрой осенней листвы сменился густым, удушливым смрадом окалины, прогорклого машинного масла и вековой сырости.

Мы стояли на гигантском балконе исполинской цитадели, высеченной из монолитного чёрного базальта. Над наши-

ми головами вместо неба нависал глухой свинцовый свод, по которому пробегали судорожные багровые всполохи, словно где-то за тучами коротило высоковольтную проводку мироздания. Сама крепость уходила вниз на десятки километров: бесконечные ярусы бетонных казематов, опоясанные ржавыми стальными балками, бронированные шлюзы толщиной в три человеческих роста, частоколы колючей проволоки и слепые бойницы, из которых сочился ледяной сизый туман.

Это был памятник абсолютной, параноидальной обороне. Архитектурный шедевр человека, который решил отгородиться от самой Жизни железобетонным саркофагом.

Я покосился на своего клиента. На тонком плане Аркадий Борисович выглядел просто уморительно, хотя сам ещё этого не понимал. Вместо дорогого кашемирового пальто на нём красовались чудовищные, громоздкие рыцарские латы из кованого чугуна, увешанные амбарными замками, пулемётными лентами, биржевыми сводками и сургучными печатями. Доспехи весили, судя по всему, несколько тонн: они с лязгом и скрежетом вдавливали его плечи вниз, не давая вздохнуть полной грудью, а на голове вместо шлема возвышалась нелепая золотая корона, прикрученная к ушам строительным скотчем, чтобы не сдуло сквозняком.

— Где мы?... — прохрипел он, хватаясь закованными в чугун пальцами за каменный парапет. — Это... это мой объект на южном хребте? Почему здесь так темно? И что это за ржавая дрянь на мне?!

— Это не южный хребет, Аркадий Борисович. Это ваша внутренняя архитектура в масштабе один к одному, — бодро пояснил я, смахивая с рукава невидимую сажу. — Добро пожаловать в нижний астрал вашей личности. А чугунная кастрюля у вас на груди — это та самая «железная воля и несгибаемый характер», которыми вы так гордитесь на заседаниях совета директоров. Неудивительно, что вы по ночам задыхаетесь: вы же сами себя заварили в сейф и выбросили ключ. Но самое интересное не здесь. Посмотрите вниз.

Внизу, у подножия базальтовой твердыни, кипело и ворочалось безбрежное чёрное море.

Миллионы уродливых, сотканных из мазутного дыма и липкой слизи тварей штурмовали стены цитадели. Огромные многорукие пауки с лицами обанкротившихся партнёров, безглазые гончие с клыками из судебных исков, змеевидные лярвы с раздутыми животами, непрерывно шипящие про обвал рынков, предательство, инфаркт, нищету и забвение. Они лезли по отвесным скалам, грызли бетон, бились о стальные решётки, и от их слитного, утробного воя башни цитадели ходили ходуном, осыпая вниз водопады каменной крошки.

И самое жуткое заключалось в том, что с каждой секундой, пока Аркадий Борисович с ужасом смотрел на эту орду, твари становились крупнее, плотнее и яростнее. Из его чугунного нагрудника прямо в чёрное море тянулись сотни толстых, пульсирующих серых шлангов, по которым с гулом

перекачивалась его собственная жизненная сила.

— Вот они! — заорал миллиардер, вжимаясь спиной в базальтовую стену. Его лицо под короной налилось синевой. — Я же говорил! Это они приходят ночью! Вы видите?! Это легион! Они хотят сожрать мою империю! Сделайте что-нибудь! Вызывайте подкрепление! Взрывайте мосты!

— Успокойтесь, полководец, не надо ничего взрывать, у меня в смете не заложены пиротехнические работы, — я лениво перегнулся через парапет, схватил за шиворот одну особенно наглую, клыкастую тварь, которая как раз карабкалась к нашему балкону, и легко, как нашкодившего щенка, выдернул её на каменную площадку.

Монстр грозно зарычал, раздул капюшон из чёрных игл и попытался клацнуть пастью у моего колена. Аркадий Борисович с визгом отскочил на три метра.

Я достал из кармана обычную зубочистку и легонько ткнул чудовище в нос.

Раздался звук сдувающейся резиновой грелки. Грозный демон подземного мира мгновенно сморщился, потерял товарный вид и превратился в суетливого, плешивого человечка в засаленном пиджаке, который тут же виновато вытянул руки по швам и часто-часто заморгал.

— Ты чёй-то, начальник? — обиженно пропищал бывший монстр, поправляя съехавший галстук. — Я ж на работе! У меня смена до шести утра!

— Доложите клиенту, кто вы и из какого отдела, — строго

скомандовал я.

— Так я ж это... Страх потерять пакет акций северного комбината за две тысячи восемнадцатый год! — отрапортовал плешивый, угодливо кланяясь остолбеневшему олигарху. — Аркадий Борисович меня тогда в ноябре как родил в своём кабинете, так на довольствие и поставил! Кормит исправно, три раза в день тревожными мыслями поливает, перед сном давление поднимает! А вон там, внизу, которые с рогами и клешнями — так это наши ребята из отдела «А вдруг завтра все узнают, что я не всемогущий». Мы тут уже шесть лет без выходных стены грызём, как заказывали!

Я отпустил человечка, и тот, деловито крикнув, сиганул обратно с балкона, прямо в полёте снова обрастая бутафорской чешуёй и мазутным дымом.

Аркадий Борисович смотрел на меня с открытым ртом. Корона на его голове съехала набок, удерживаемая лишь полоской скотча.

— Что это за цирк?! — прошептал он побелевшими губами. — Вы хотите сказать, что вся эта армия...

— Это ваш личный штат сотрудников, Аркадий Борисович! — расхохотался я, разводя руками. — Здесь нет ни одного чужого демона! Никаким конкурентам и дела нет до вашей спальни — у них точно такие же бункеры с собственными ручными тараканами! Вы сами слепили каждого из этих уродов из своего подавленного ужаса, сами одели их в страшные костюмы и сами качаете в них свою кровь через шланги

внимания! Ведь если эта осада закончится — вам же придётся снять свой чугунный панцирь. А без панциря и без войны вы просто не знаете, кто вы такой!

Остановись на мгновение и почувствуй, где в твоём собственном теле прямо сейчас сжата невидимая броня — в плечах, в челюсти или в глубине живота. Каждый твой страх — это просто нанятый тобой же актёр, которому ты платишь своим дыханием за то, чтобы он пугал тебя из темноты. Сделай мягкий вдох и перестань финансировать этот театр.

Внезапно вся базальтовая цитадель содрогнулась от глухого, низкого удара, который пришёл не снаружи, от армии фантомов, а из самого центра крепости.

Стены покрылись трещинами, и из глубины коридоров потянуло таким невыносимым, космическим холодом, что чугунные латы на груди Аркадия Борисовича мгновенно покрылись толстой коркой инея. Его ноги подкосились, и он рухнул на колени, судорожно раздирая пальцами стальной воротник.

— Три пятнадцать... — задыхаясь, просипел он, и в его глазах отразился настоящий, животный ужас без всякой примеси делового пафоса. — Это оно... То, что приходит ночью! Оно не там, внизу... Оно внутри!

— Конечно, внутри, — тихо сказал я, и улыбка сошла с моего лица. — Потому что те крикливые попрошайки за стеной — это просто внешняя охрана. А главный узник, от ко-

торого вы построили все свои заводы, яхты, бункеры и этот многотонный панцирь, сидит в вашем собственном тронном зале. Идёмте. Пора познакомиться с тем, кто вас душит.

Я взял его за закованное в металл плечо и провёл сквозь трехметровую бронедверь, которая для моего агентства была не плотнее папиросной бумаги.

Мы оказались в колоссальном, пустом и гулком зале из чёрного мрамора. Своды его терялись в ледяной мгле, а пол был скользким от замёрзших слёз, которые превратились здесь в острые сталагмиты. Отсюда, из самой сердцевины этого склепа, поднималась густая, вязкая, как расплавленный свинец, тьма. Именно она по ночам просачивалась сквозь все границы миров в роскошную спальню на земле и ложилась плитой на грудь своего хозяина.

В центре зала, на массивном возвышении, куда сходились все цепи и засовы цитадели, кто-то сидел.

Аркадий Борисович зажмурился и отвернулся, дрожа всем своим громоздким телом.

— Я не буду смотреть! — выкрикнул он, и его голос сорвался на визгливый фальцет. — Уберите это! Убейте его!

— Посмотрите, — мягко, но неумолимо приказал я. — Иначе вы так и умрёте в своём бункере в обнимку с вентилем от кислородного баллона.

Миллиардер медленно, с мучительным стоном повернул голову и открыл глаза.

Там, в центре исполинского кольца из ржавых цепей и ко-

лючей проволоки, не было никакого древнего чудовища с горящими глазами. На ледяном мраморном полу, обхватив руками острые худые колени, сидел маленький, лет семи, мальчик в старой фланелевой рубашке с оторванной пуговицей. Он был совсем синим от холода. Его губы потрескались, а по щекам текли беззвучные слёзы, которые тут же замерзали на коже ледяной коркой. Но он не издавал ни звука, потому что на его рту висел тяжёлый чугунный замок с клеймом самого Аркадия Борисовича.

Вокруг мальчика, словно голодная конвойная стража, кружила та самая чёрная жижа — сгусток абсолютной, концентрированной ненависти и презрения, которыми взрослый «император» полвека поливал свою собственную слабость, свою нежность и своё право на боль.

— Кто это?.. — беззвучно, одними губами прошептал Аркадий Борисович, и чугунный доспех на его груди вдруг дал первую глубокую трещину.

— Это вы, Аркадий Борисович. Семьдесят четвёртый год, задний двор кирпичного завода, — тихо ответил я. — Тот самый день, когда вас, маленького и слабого, избili до полусмерти старшие пацаны, отобрали отцовские часы, а потом отец добавил ремнём за то, что вы распустили сопли и опозорили фамилию. Помните, что вы тогда сделали? Вы стояли в тёмном сарае, глотали кровь со слезами и поклялись, что этот слабый, плачущий, беззащитный мальчишка умер. Что отныне вы станете из стали и камня, купите этот город,

купите всех этих людей и больше никогда, ни одной живой душе не позволите увидеть, что вам может быть больно или страшно.

В мёртвой тишине тронного зала было слышно только, как со звоном лопаются стальные заклёпки на латах олигарха.

— Вы не убили его тогда, — продолжил я. — Нельзя убить живую часть собственной души. Вы просто бросили его в самый глубокий, ледяной подвал своего подсознания, забили дверь железными листами, повесили ему на рот замок, а сверху за пятьдесят лет настроили финансовых империй и бетонных бункеров. И каждую ночь, ровно в тринадцать, этот замёрзший, отвергнутый вами ребёнок просто пытается дотянуться до вас из темноты. Он не хочет вас задушить, Аркадий Борисович. Он просто умирает от холода и просит, чтобы вы наконец-то взяли его на руки. А давит вам на грудь не он — давит ваша собственная ненависть к своей уязвимости, которой вы от него отгородились.

Маленький мальчик в центре зала поднял голову. Его огромные, полные немой тоски глаза встретились с глазами старого, закованного в чугун человека. Ребёнок слабо дёрнул тоненьким запястьем, звякнув многопудовой цепью, и протянул вперёд посиневшую ладошку.

И в эту секунду с владельцем заводов и пароходов произошло то, чего не видели ни его министры, ни его жёны, ни его охрана.

Нелепая золотая корона со строительным скотчем свалилась с его головы и со звоном покатилась по льду. Чугунные латы лопнули по швам и с грохотом осыпались к ногам, обнажив обычного, сутулого, бесконечно уставшего человека в простой мятой рубашке.

Аркадий Борисович сделал шаг вперёд, споткнулся о собственные ржавые цепи, упал на колени прямо на колючий лёд и, поползши к ребёнку, зарыдал.

Это был не вежливый светский всхлип — это был первобытный, разрывающий грудную клетку рёв плотины, которую держали под замком полвека. Он сгрёб этого ледяного, дрожащего мальчишку в охапку, прижал его голову к своей груди, целуя его замёрзшую макушку, синие пальцы, и сквозь захлёбывающиеся рыдания повторял только одно:

— Прости меня... Господи, маленький мой, прости меня, дурака старого... Как же я тебя заморозил... Спасибо, что дождался... Благодарю тебя, что ты живой... Благодарю...

В тот самый миг, когда в этом проклятом, вымороженном склепе прозвучало искреннее, идущее из самого разорванного сердца слово «Благодарю», полярности сомкнулись.

Осуждение исчезло. Палач и жертва, император и узник, несокрушимая сталь и беззащитная слеза узнали друг в друге одного и того же Единого Творца.

Раздался звук, похожий на удар колокола и одновременный хруст весеннего льда на великой реке. Тяжёлый замок на губах ребёнка вспыхнул чистым золотым светом и рассы-

пался в пыль. Маленький мальчик в его объятиях перестал быть ледяным — он стал ослепительно тёплым, живым, солнечным и прямо на глазах влился, впитался в грудь Аркадия Борисовича, возвращая на место вырванный пятьдесят лет назад кусок его сердца.

Зеркало треснуло от края до края.

Чёрные базальтовые стены цитадели, стометровые бродовые, ржавые балки и вся многотысячная орда воющих за стенами монстров — всё это в одно мгновение потеряло вес и плотность. Не стало больше ни врагов, ни обороны. Вся исполинская махина нижнего астрала вспыхнула мягким, тёплым, прозрачным сиянием и осыпалась вокруг нас миллиардами невесомых золотых искр, которые с шёпотом втянулись обратно в тело человека, стоящего на коленях посреди чистой, звенящей тишины.

Почувствуй прямо сейчас, как тёплая волна разливается в центре твоей собственной груди вместе с этим вдохом. В тебе нет ни одной лишней, сломанной или постыдной части — там, где ты годами строил стены против своей слабости, всегда сидела и ждала твоя самая живая сила. Скажи тихое «благодарю» всему своему прошлому и выдохни: война окончена, защищаться больше не от кого.

— Ну вот, а вы просили залить пол свинцом, — негромко заметил я, когда вокруг нас снова проступили очертания моего старого кабинета, книжных полок и дождливого окна.

— Свинец нынче дорог, а объятия бесплатны.

Аркадий Борисович сидел в кожаном кресле.

Он не задыхался. Впервые за многие годы его грудная клетка поднималась и опускалась свободно, глубоко и совершенно бесшумно, словно из неё вынули тонну битого кирпича. Мешки под глазами никуда не делись, но землистая серость ушла с лица, уступив место живому, тёплому румянцу. На его щеках ещё блестели мокрые дорожки, а на коленях, свернувшись калачиком прямо поверх безупречных брюк из шерсти альпийских гусениц, громко и нахально мурлыкал мой рыжий кот, который до этого к клиентам ближе чем на три метра не подходил из принципа.

Миллиардер медленно посмотрел на свои раскрытые ладони, потом перевёл взгляд на кота, осторожно, с какой-то детской робостью погладил его за ухом и вдруг рассмеялся.

Это был удивительный смех — тихий, хрипловатый, абсолютно незащитный и невероятно счастливый.

— Корона со скотчем... — покачал он головой, вытирая глаза тыльной стороной ладони. — Господи, какой же я был напыщенный индюк. Пятьдесят лет строить из себя чугунный памятник, чтобы в итоге испугаться собственного детского плача... Послушайте, а ведь у меня действительно ничего не болит. И воздуха... сколько же здесь, оказывается, воздуха!

Он поднялся с кресла — легко, без прежней стариковской тяжести, — аккуратно переложил кота на подушку и напра-

вился к двери. У самого порога я окликнул его:

— Аркадий Борисович! Вы трость забыли. Чёрный нефрит, ручная работа.

Он остановился, обернулся через плечо и с хитрой, озорной прищуркой посмотрел на массивную палку у кресла.

— Оставьте себе. Подпирайте ею дверь, когда проветриваете, — сказал он. — А я, пожалуй, пойду пешком прогуляюсь под дождём. И знаете что? Первым делом позвоню прорабу на южный хребет и прикажу переделать этот дурацкий подземный бункер под винный погреб и сыроварню. Хватит с меня крепостей.

Дверь за ним тихо закрылась. Я подошёл к окну и посмотрел вниз, в мокрый осенний переулок.

Двое плечистых охранников у бронированного седана вытянулись в струнку и распахнули перед шефом заднюю дверцу, раскрыв над ним огромный чёрный зонт. Но Аркадий Борисович мягко отстранил руку телохранителя, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, подставил лицо мелким холодным каплям и, насвистывая какой-то старый дворовый мотив, зашагал прочь по тротуару, весело шлёпая ботинками ручной работы прямо по глубоким лужам. Охранники, переглянувшись в полном потрясении, засемили следом на почтительном расстоянии.

Я улыбнулся, вернулся к столу и поставил галочку в папке напротив первой фамилии. С подвалами страха на сегодня было покончено.

Но расслабляться было рано: мой телефон на столе коротко мигнул сообщением. Меня вызывали на восемьдесят четвёртый этаж стеклянной башни в деловом центре, где в окружении панорамных окон и миллионов восторженных глаз медленно сходила с ума от мелких астральных паразитов королева идеальной жизни.

Глава 2. Зоопарк на коротком поводке

Скоростной лифт стеклянной башни заложил мне уши так, словно я шёл на взлёт в кабине истребителя.

На восемьдесят четвёртом этаже пахло стерильной роскошью, дорогим диффузором с ароматом инжира и тихим, тщательно замаскированным отчаянием. Когда двери бесшумно разъехались, я шагнул прямо в эпицентр «жизни мечты».

Пентхаус снежной белизны висел над городом, как хрустальный аквариум. Сквозь панорамные окна в пол открывался вид на серую осеннюю столицу, которая с этой высоты казалась просто декоративным ковриком у ног хозяйки. В центре огромной гостиной стояли три кольцевые лампы, похожие на ослепительные нимбы механических святых, а на белом диване из кожи невинно убиенного облака сидела сама Эвелина.

В цифровом мире у Эвелины было восемь миллионов обожателей, авторский марафон «Дыши изобилием и позволь себе всё», ослепительная улыбка в тридцать два фарфоровых винира и репутация женщины, которая завтракает исключительно солнечным светом и лепестками пионов.

Прямо сейчас эта богиня гармонии и высоких вибраций

сидела в растянутой серой толстовке, с лицом цвета размороженного минтая, и трясущимися руками пыталась выдавить из блистера очередную капсулу успокоительного. Вокруг неё в радиусе пяти метров горели сорок восемь толстых восковых свечей, а на антикварном столике дымилась целая вязанка какой-то заморской полыни, от которой у меня мгновенно запершило в горле.

— Вы опоздали на четыре минуты! — вместо приветствия взвизгнула она, роняя таблетку на белый ковёр. Её голос, обычно томный и грудной в коротких видеороликах, сейчас напоминал скрежет гвоздя по стеклу. — Вы понимаете, что у меня через полтора часа прямой эфир о принятии себя и внутренней тишине?! А я не могу даже глаза закрыть!

— Добрый день, Эвелина, — я аккуратно перешагнул через соляной круг, насыпанный прямо поверх персидского ковра, и с любопытством посмотрел на её шею. — Соль можете не сыпать, вы только уборщице работу усложняете. А вот свечи я бы на вашем месте потушил, иначе до эфира мы с вами просто угорим.

— Не смейте трогать свечи! — она с ужасом поджала ноги с идеальным педикюром под себя и затравленно уставилась в тёмный угол за белым роялем. — Вы что, не чувствуете?! Как только гаснет свет, они вылезают из углов! Они ползают по мне, они чавкают у меня над ухом, они жрут мою энергию! А ещё я уже три недели не чувствую вкуса еды! Я вчера жевала трюфельный тартар за двадцать тысяч порция —

и это просто мокрая вата! Моя потомственная ведунья сказала, что это энергетический пробой от чёрной зависти подписчиц и родовое проклятие по женской линии!

Я достал из папки бланк договора, положил его на крышку рояля рядом с блюдцем, полным каких-то засушенных жуков, и протянул ей ручку.

— Ваша потомственная ведунья, дорогая Эвелина, бессовестно льстит вашим подписчицам, — ласково сказал я. — Никакого родового проклятия на вас нет. И чёрной магии тоже. Проблема в том, что вы устроили у себя в тонком теле несанкционированный контактный зоопарк, три года кормили его отборными деликатесами со своего стола, а теперь удивляетесь, почему зверушки выросли, обнаглели и требуют добавки. Подписывайте договор, гасите свои факелы и пойдёте проводить инвентаризацию вашей фермы.

— Какой ещё фермы?! — оскорбилась королева цифрового эфира, но договор подписала, едва глядя в строчки. — Я чистый, светлый проводник! Я каждый день посылаю в космос лучи благодарности и прощения! Я даже бывшего мужа простила на всю страну в прошлом месяце, у меня этот ролик набрал четыре миллиона просмотров!

— О, про бывшего мужа — это мы сейчас обязательно посмотрим вблизи, — с предвкушением потёр я руки. — Только умоляю, не пугайтесь его нового имиджа.

Я дунул на ближайшую канделябру, положил ладонь поверх её холодных, униженных бриллиантами пальцев и ле-

гонько щёлкнул другой рукой прямо перед её идеальным, перекроенным у лучших хирургов носиком.

— Снимаем фильтры, красавица. Выходим в эфир без ретуши.

Ослепительно белый пентхаус дрогнул, поплыл радужными пикселями, как перегруженный экран, и с чавкающим звуком лопнул.

Вместо панорамных окон на восемьдесят четвёртом этаже вокруг нас сомкнулись душные, липкие, кричаще-яркие тропические джунгли пограничного астрала. Здесь пахло перебродившим клубничным сиропом, жжёной карамелью, дешёвой пудрой и болотной тиной. Вместо деревьев из розового плюшевого мха торчали гигантские пластиковые цветы, увешанные мигающими гирляндами, треснувшими зеркалами и картонными коронами.

Но самым впечатляющим в этом пейзаже была сама Эвелина.

В физическом мире она весила сорок восемь килограммов и порхала по комнате, как эльф на диете из сельдерея. Здесь же, на тонком плане страстей, она с трудом передвигала ноги, потому что была с головы до пят увешана невероятным, громыхающим, копошащимся табором мелких астральных паразитов.

Они висели на ней гроздьями, как новогодние игрушки на сбежавшей из леса ёлке.

К её правому уху присосался пушистый, ядовито-зелёный

хорёк с огромными ушами-локаторами, который непрерывно и страстно шептал ей в слуховой проход: «А у Светки-то охваты выше! А у Светки-то сумка из новой коллекции! А ты стареешь, стареешь, стареешь!».

На голове, прямо поверх укладки, восседал суетливый павлин с облезлым хвостом из старых газетных вырезок, который каждые три секунды клевал её в темя и орал: «Улыбайся шире! Втяни живот! На тебя смотрят!».

А вокруг её талии, как спасательный круг из пупырчатого фиолетового студня, обвилась толстая, ленивая пиявка, на боку которой золотыми буквами было выведено: «Что подумают люди».

— Мамочки!.. — тонко пропищала Эвелина, с ужасом разглядывая свои руки, к которым на тонких серебристых поводках были привязаны ещё десятка два мелких, прожорливых пушистиков с рядами острых зубов. — Что это за гадость?! Снимите их с меня! Это они?! Это демоны зависти, которых на меня наслали хейтеры?!

— Ну какие же это демоны, помилуйте, — рассмеялся я, осторожно почесав за ухом зелёного хорька, отчего тот блаженно заурчал и раздулся ещё сильнее. — Это классические лярвы, дорогая моя. Мелкая, бытовая фауна пограничного астрала. Причём ни одна из этих милых зверушек не прилетела к вам с улицы. В астрале вообще нет чужих паразитов — здесь действует строжайший санитарный закон: к человеку может прицепиться только то, что вибрирует на частоте

его собственной лжи самому себе. Посмотрите на поводки. Узелки-то завязаны с вашей стороны!

— Я их не завязывала! — со слезами на глазах закричала она, пытаясь стряхнуть с плеча облезлого павлина, но тот лишь крепче вцепился когтями в её ключицу. — Зачем мне их держать?! Они же меня сжирают!

— Как это зачем? — удивился я. — За тем, что они выполняют для вас важнейшую подрядную работу! Вот этот зелёный хорёк зависти позволяет вам не заниматься собственной жизнью, а круглосуточно следить за чужой. Этот павлин тщеславия заменяет вам простую человеческую близость — ведь гораздо проще казаться идеальной картинкой для восьми миллионов незнакомцев, чем позволить одному-единственному живому человеку увидеть вас настоящей, смешной и нелепой без макияжа. Но это всё мелочь, так, аквариумные рыбки. А вот кто у вас забирает восемьдесят процентов энергии и вкус к вашему трюфельному тартару — посмотрите-ка назад.

Эвелина медленно обернулась — и зажала рот обеими руками.

За её спиной, тяжело переваливаясь с лапы на лапу, на толстой якорной цепи из воронёной стали волочилась колоссальная, размером с хороший каретный сарай, пурпурная жаба.

Это было поистине монументальное произведение астрального искусства. На голове у жабы красовалась маленькая

свадебная фата, на носу сидели бухгалтерские очки в роговой оправе, а в перепончатых лапах она сжимала пухлый, затрёпанный гроссбух в кожаном переплётё. Из груди Эвелины прямо в раззявленную пасть этого земноводного гиганта тянулся толстый розовый трубопровод, по которому со свистом и бульканьем улетала вся её радость, вкус к еде и здоровый ночной сон.

Увидев, что на неё обратили внимание, пурпурная жаба важно поправила очки, полизала шершавым языком палец, перевернула страницу гроссбуха и густым, бюрократическим контральто проквакала:

— Гражданка Эвелина! Напоминаю: двенадцатого мая две тысячи девятнадцатого года на курорте он посмотрел на официантку в коротких шортах! А седьмого ноября того же года подарил вам на день рождения не то кольцо и назвал вашу маму токсичной коброй! Продолжаем начислять пеню!

— Это... это ещё что за чудовище?! — прошептала побелевшая блогерша, пятясь ко мне за спину.

— О, а это гордость вашей коллекции! — восхищённо развёл я руками. — Знакомьтесь: ваша Священная Невысказанная Обида на бывшего мужа, которую вы в прошлом месяце якобы «простили на четыре миллиона просмотров». Посмотрите, какая упитанная красавица! Восемь лет безупречного ухода!

— Но я же его отпустила! — с надрывом вскрикнула Эвелина. — Я же провела ритуал сжигания старых писем на рас-

тушую луну! Я записала медитацию благодарности бывшим партнёрам!

— Кому вы сказки рассказываете, солнышко? — фыркнул я. — Бумажки вы в камине, может, и сожгли, а вот на тонком плане вы эту жабу каждую ночь кормите с ложечки отборными мыслеформами! Ведь если вы действительно, по-настоящему отпустите обиду и снимете с него вину — вам придётся признать ужасную для вашего эго вещь: что вы больше не благородная жертва подлого абыюзера, а просто обычная женщина, у которой не склеился брак, потому что вы оба валялись дурака. Жаба даёт вам индульгенцию на правоту! Пока вы таскаете за собой этот пурпурный чемодан с компроматом за девятнадцатый год, вы можете жалеть себя и требовать от мира компенсации! Правда, кормить такую тушу приходится собственным сном и вкусом жизни, но ведь искусство требует жертв, верно?

Почувствуй прямо в эту секунду, какого невидимого зверька ты сам ведёшь на поводке своего внутреннего диалога. Любая старая обида или претензия к миру живёт только за счёт того, что ты прямо сейчас отдаёшь ей своё живое дыхание в обмен на сладкую иллюзию собственной правоты. Разожми пальцы в центре груди — тебе больше не нужно быть правым, чтобы быть счастливым.

Пурпурная жаба недовольно квакнула, захлопнула гробовух и дёрнула цепь так, что Эвелина едва не упала на колени

в розовый мох. Но тут же с неба пограничного астрала раздался оглушительный, сосущий гул, от которого затряслись даже пластиковые пальмы.

Я поднял голову. Над нашими макушками, закрывая половину искусственного небосвода, висел главный агрегат этого уровня.

Он выглядел как исполинский, сияющий стразами и розовым золотом пылесос с воронкой диаметром в футбольное поле. На корпусе агрегата переливались миллионы маленьких нарисованных сердечек и поднятых вверх больших пальцев, которые сыпались из него вниз, как конфетти из хлопушки. Но сам раструб этого чудовищного механизма работал строго на всасывание: он вытягивал из макушки Эвелины ослепительный, живой, трепещущий золотой поток её настоящей души, оставляя внутри неё лишь гулкую, выжженную, звенящую пустоту.

— А это... а это кто?.. — голос Эвелины вдруг потерял всякую стервозность и стал совсем тихим, детским и каким-то надломленным.

— А это ваш главный бог и господин, которому вы служите двадцать четыре часа в сутки, — мягко сказал я, вставая рядом с ней. — Пылесос Жажды Чужого Одобрения. Великий Утилизатор вашей единственной жизни. Смотрите, какой выгодный обмен: вы отдаёте туда свою молодость, свою искренность, своё право плакать, когда больно, своё право быть уставшей, глупой и неидеальной — а взамен эта труба

плюёт вам на голову пригоршню картонных сердечек от людей, которым на вас абсолютно плевать и которые через секунду после вашего ролика пойдут жарить себе котлеты!

Эвелина стояла посреди крикливых розовых джунглей, облепленная чавкающими лявами, прикованная к огромной жабе прошлого, под ревушим соплом гигантской трубы, — и вдруг я увидел, как из её глаз, смывая остатки безупречной туши, потекли самые обычные, горячие, солёные человеческие слёзы.

Она опустилась прямо в плюшевую траву, не заботясь о своей одежде, обхватила голову руками и заплакала.

— Я так устала... — рыдала она, вздрагивая худыми плечами, с которых с удивлённым писком начали соскальзывать мелкие пушистые паразиты. — Господи, как же я смертельно устала врать! Я ненавижу этот проклятый сельдерей! Я ненавижу эти марафоны и эти фальшивые улыбки в камеру с шести утра! Я хочу булку с маслом и докторской колбасой! Я хочу разреветься и сказать, что мне страшно, что я одна в этой проклятой стеклянной башне и что я до сих пор скучаю по тому дураку, который подарил мне не то кольцо!.. Какая же я смешная, жалкая дура!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.